

Отсюда ясно, что исследование индивидуального стиля древнерусских авторов трудно не только вследствие неустойчивости текста, его постоянных переделок и изменений переписчиками-редакторами, но и в силу переменчивости этого стиля в зависимости от смены тематики.

Надо, впрочем, сказать, что индивидуальные особенности стиля достовернее в тех случаях, когда они бессознательны, явились не преднамеренно, а в результате привычки. Древнерусский книжник не стесняется заимствовать стилистические обороты, образы, целые куски у своих предшественников. Он может усвоить чужую манеру изложения (в той же мере, в какой переписчик иногда усваивал почерк оригинала). Однако это усвоение по большей части является следствием его сознательных стремлений сделать свое произведение лучше, красивее, «ученее». Вот почему нужно с большой осторожностью относиться ко всем особенностям стиля, которые могли явиться плодом сознательных усилий автора. А вот привычка к отдельным словам, оборотам, не имеющим особой художественной или идейной силы, гораздо показательнее. И это чрезвычайно важно. По подсчету слов, по исчислению коэффициента употребляемости того или иного оборота речи в будущем можно будет математически обосновывать принадлежность того или иного произведения определенному автору. Но вопрос этот сложный и потребует в каждом отдельном случае отделения намеренных элементов языка и стиля произведения от ненамеренных.

То, что было сказано о преимуществах подсознательных особенностей стиля перед сознательными, приводит нас к выводу об исключительной роли исследования именно языка произведения. По наличию диалектизмов можно определять происхождение автора из той или иной местности. Ошибки в языке могут привести к определению национальности автора и т. д. Изучение данных языка помогло установить ряд переводов, принадлежавших болгарским первоучителям.⁵⁸ Исключительный интерес представляют собой соображения А. А. Шахматова, касающиеся определения автора Русского Хронографа.⁵⁹

А. А. Шахматов доказывает, что Русский Хронограф был составлен сербом в России. Помимо соображений, касающихся содержания Русского Хронографа, в котором органически слиты статьи русского и сербского происхождения, А. А. Шахматов приводит и доказательства лингвистического характера. В Хронографе имеется ряд сербизмов, при этом не только в статьях, посвященных мировой истории, но и в русских по своему происхождению. Так, Корсунь названа в Хронографе по-сербски — Херсонь или Херсунь (редакция 1512 г.), русские князья Святослав и Святосполк названы, согласно сербскому произношению этих имен, Цветослав, Цветополк, «бык» заменен сербским словом «юнец», вместо «были» («а москвичи были под Вязмою») сказано «били», вместо «плоть» — «путь» и т. д. Но самое интересное, что наряду с сербизмами Русский Хронограф заключает в себе и антисербизмы, т. е. неправильные попытки избавиться от сербизмов — попытки, которые могли принадлежать только сербу, плохо знавшему русский язык, но стремившемуся писать по-русски. А. А. Шахматов пишет: «Кроме сербизмов, в обилии встречающихся на всем протяжении Хронографа по спискам редакции 1512 года, внимание наше останавливают некоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогией замену

⁵⁸ См. об этом: А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. 1. Паримийный текст. Варшава, 1912, стр. 16.

⁵⁹ А. А. Шахматов. 1) К вопросу о происхождении Хронографа. — СОРЯС, т. LXVI, 1899, № 8; 2) Пахомий Логофет и Хронограф. — ЖМНП, 1899, январь, стр. 200—207